УДК 94(47)

Быкова А.С.[1]

ПРИЧИНЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА В РАБОТАХ АМЕРИКАНСКОГО УЧЕНОГО Ч.С.Л. ДАННИНГА.

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Bykova A.S.

CAUSES OF THE TIME OF TROUBLES IN RUSSIA IN THE BEGINNING OF THE XVII CENTURY IN THE WORKS OF THE AMERICAN SCHOLAR C.S.L. DUNNING.

Bunin Yelets State University

Реферат: *В представленной статье мы познакомимся с проведенным американским ученым Ч.С.Л. Даннингом анализом различных интерпретаций причин Смутного времени. Особое внимание в статье уделяется русскому народному сознанию XVI-XVII вв. и личности царевича Дмитрия, который, по мнению американского ученого, послужил решающей причиной для начала Смуты в Российском государстве.*

Ключевые слова: *Смутное время, причины, русское народное сознание, "народный монархизм", "наивный монархизм", "самозванство", царевич Дмитрий.*

Abstract: *In the present article we explore the analysis of various interpretations of the causes of the Time of Troubles conducted by the American scientist C.*

---

[1] Быкова Анна Сергеевна – студентка Института истории и культуры Елецкого государственного ун-та им. И.А. Бунина.

S. L. Dunning. Special attention is paid to the Russian popular consciousness of the XVI-XVII centuries and the identity of the Tsarevich Dmitry, which, according to American scientist, was the decisive cause for the start of the Troubles in the Russian state.

Keywords: *The Time of Troubles, causes, Russian national consciousness, "popular monarchy", "naive monarchism", "imposture", Tsarevich Dmitry.*

Данная работа продолжает наше исследование наследия американского ученого Ч.С.Л. Даннинга, крупнейшего в США и Европе специалиста в области Смутного времени в России [3].

Четыре столетия назад Российское государство пережило свою первую Смуту. Это один из самых трагичных и сложных для изучения и понимания периодов русской истории[2].Недавние и еще не получившие широкой известности исследования подвергли критике традиционные интерпретации Смуты как социальной революции против крепостного права. На самом деле, это была гражданская война, связанная с именем царевича Дмитрия, младшего сына Ивана IV. Американский профессор Техасского университета Честер Даннинг в своей книге «Первая гражданская война в России» представил подробный обзор событий, причин и последствий Смутного времени [7]. В данной статье мы рассмотрим причины, которые, по мнению Даннинга, вызвали Смуту в Российском государстве.

Как утверждает Ч.С.Л. Даннинг, Россия была сильно травмирована глубоким государственным кризисом и голодом (1601-1603 гг.), обрушившимся в результате невиданных стихийных бедствий. Значительное число россиян было недовольно политикой царя Бориса Годунова и сомневалось в легитимности (законности) его правления. Однако, с позиции Даннинга, этого не было достаточно, чтобы вызвать восстание против правите-

ля крупнейшей страны Европы и привести Россию к порогу гражданской войны. Каковы же были непосредственные предпосылки и причины конфликта?

Социологи и историки выявили ряд непосредственных предпосылокгражданской войны: 1) финансовый кризис; 2) кратковременное снижение доходов и власти правительства; 3) введение обременительных для подданных правителя обязательств; 4) внутри элитный конфликт; 5) народное недовольство властью; 6) большое число обедневших, безземельных мелких дворян, расформированных солдат; 7) тяготы военной службы на юге станы [7,p. 109]. Тем не менее, ничто столь серьезно не угрожало правлению царя Бориса как появление в 1604 г. Лжедмитрия. По мнению Даннинга, первая в истории России гражданская война возникла в результате смелого вторжения в страну царевича Дмитрия, «чудом спасшегося от покушения "узурпатора" Бориса Годунова в 1591 г. и теперь возвращавшегося, чтобы потребовать престол у "ложного царя" Бориса» [7,p. 109]. Лжедмитрию быстро удалось создать широкую коалицию сторонников из всех слоев общества. Фанатическая, почти религиозная поддержка, которую он получил, и беспрецедентное вторжение народных масс в высокую политику в ходе его военной кампании серьезно напугали противников царевича Дмитрия. Как утверждает Даннинг, до сих пор историками не было предложено ни одного реального объяснения тому, почему так много россиян поддержало Лжедмитрия до и после его убийства. Это привело к грубому искажению образа царя Дмитрия, его политики, событий гражданской войны и ее значения. Кроме того, неверная интерпретация повстанческого сознания во время Смуты повлекла за собой значительные ошибки в оценке русского народного сознания, в общем.

Как уже говорилось ранее, в течение долгого времени историки считали, что вспышка восстания

против царя Бориса Годунова в 1604 г. была вызвана борьбой русского народа против крепостничества. В итоге, относительно мало внимания было уделено Дмитрию и его военной кампании за трон в качестве возможной причины народных возмущений. Однако такая интерпретация начала первой в России гражданской войны проигнорировала много важных доказательств и была основана почти исключительно на вводящей в заблуждение пропаганде, созданной противниками царевича Дмитрия во время его жизни и после убийства. Еще до вторжения Дмитрия в Россию Борис Годунов развернул неудачную пропагандистскую кампанию против "лжецаревича" - беглого монаха Юрия Отрепьева, «который был орудием в руках поляков и дьявола» [7,p. 110]. Приверженцы же Дмитрия изображались «как безнадежно наивные, доверчивые люди или прямые недоброжелатели», имеющие свои темные мотивы для вражды [7,p. 110]. После победы Лжедмитрия, его короткого правления и убийства в 1606 году, узурпатор Василий Шуйский столкнулся с мощной гражданской войной во имя царевича Дмитрия, которая бушевала в течение многих лет и почти разрушила страну. Точно так же, как и Борис Годунов, изумленный и перепуганный Шуйский был вынужден вступить в пропагандистскую кампанию, направленную против убитого "самозванца Дмитрия" и его многочисленных сторонников, восставших против нового царя. Как поясняет Даннинг, «режим Шуйского стремился любыми способами "доказать", что Дмитрий был самозванец и колдун, а мятежники – воры и социальные революционеры, решившие свергнуть правящую элиту» [7,p. 110]. Фактически эта лживая пропаганда легла в основу большей части русских письменных сообщений о Смуте, послуживших, в свою очередь, источниками для российских историков, которые занимались изучением данного периода. Под воздействием таких сомнительных "источников" многие

ученые склонялись к тому, чтобы рассматривать Дмитрия как мошенника,неспособного завоевать мощную поддержку народа [7, p. 110]. Большинство историков искало социальных объяснений народным выступлениям. Многие отрицают, что бунты во имя царя Дмитрия содержат действительно политическое начало, считая их "бессмысленными" стихийными порывами страдающих масс[7, p. 111]. Однако восставшие не боролись в гражданской войне за социальную революцию. Любое сугубо социальное объяснение их действий не дает нам в полной мере понять требования повстанцев, пестрый состав участников их лагерей и свирепость, с которой они сражались против Василия Шуйского в течение многих лет.

Другое традиционное толкование - наивный монархизм - имеет под собой некоторую основу, но очень часто подменяло собой исследование, которое позволяло ученым видеть в русских лишь аполитичных людей, поддающихся безумным порывам. Более глубокое изучение русского наивного монархизма дает нам совершенно другую картину. «В политической культуре средневековой России с ее центральными фигурами - Богом и царем, набожные православные подданные могли на законном основании выступить против царя, которого считали "злым", то есть нарушившим свои обязательства перед Богом и людьми. Устранение такого "царя-мучителя" одобрялось»[1, p. 31]. В таких обстоятельствах трудно ожидать от истинно религиозных русских людей всех сословий, что убийство Дмитрия и захват власти Василием Шуйским будут пассивно приняты ими. По мнению Даннинга, сама православная вера послужила для восставших и основанием, и мощным оружием в борьбе против «узурпатора, "царя-мучителя" Шуйского» [1, p. 31].

В свою очередь Василием Шуйским была предпринята пропагандистская кампания с целью разорвать религиозные связи между массами и мертвым царем, так как

осознал ее силу. «Хотя иные верили его заявлениям, что Дмитрий был наглым самозванцем и фальшивым царем, но противники Шуйского во множестве стекались на поля боя, чтобы сражаться за Бога и "доброго царя Дмитрия"» [1, p. 31]. Их праведная ярость была настолько сильна, что многие долгое время не складывали оружие и после свержения царя-узурпатора. Яростное вмешательство народных масс в сферу высшей политики шокировало правящую верхушку и заставило приложить много усилий, чтобы предотвратить повторение подобного в будущем.

Слабость историографии и источниковедческой критики сделали возможным даже еще более ошибочные представления: Дмитрия описывали как лидера революционных казаков. Согласно такой интерпретации, самозванец Дмитрий был «революционным "казацким царем", который привел низшие классы к полномасштабному нападению» на феодалов[7, p. 111]. Целью восставших, по словам Даннинга, было создание «примитивной буржуазной демократии или "казачьей демократии"»[7, p. 111]. Постепенно роль Дмитрия была пересмотрена учеными. Его стали изображать как «циничного манипулятора массами, восставшими против крепостничества, который быстро предал своих сторонников, как только сумел стать царем»[7, p. 111]. Подразумевается, что авантюрист Дмитрий дал много "антифеодальных" обещаний, чтобы использовать восстание крестьян, направленное не столько в его поддержку, сколько против феодальных отношений. Согласно мнению К.В. Чистова и других исследователей, «народная социально-утопическая легенда о бегстве Дмитрия из Углича в 1591 г.» и его возвращении в роли освободителя народных масс от крепостничества и феодального гнета сложилась еще до его похода, что объясняет массовую поддержку его борьбы за трон[5, с. 27-30, 40-42]. С позиции Даннинга, эта широко распространенная интерпретация столь же

ошибочна, как и мнение ученых, считающих народные бунты начала XVII в. бессмысленными.

Бесспорно, социальный кризис в России способствовал успеху Дмитрия, однако не стоит забывать, что его кампания за трон объединила различные слои российского общества. По мнению Даннинга, первая в России гражданская война - это народное восстание в поддержку царевича Дмитрия, и оно вовсе не было направлено на уничтожение крепостной системы. Ни один из сторонников Лжедмитрия никогда не боролся против крепостничества, следовательно, "самозванцу" незачем было разжигать социальную революцию или давать обещания об отмене крепостного права, чтобы выиграть войну. В сущности, как поясняет Даннинг, крепостные крестьяне не участвовали активно в гражданской войне, а «остальные крестьяне – за исключением богатых крестьян Комарицкой волости – были вовлечены незначительно» [7, p. 112]. Большая часть бунтовщиков, поддерживающих царевича Дмитрия или его воскреснувшее имя, - это казаки, помещики, служилые люди по прибору, военные холопы и горожане. Даже притом, что наибольшей и наиболее активной группой восставших были казаки, имевшие в основном крестьянское происхождение, они не думают или действуют как крестьяне и вовсе не были заинтересованы в защите низших классов или в создании "казачьей демократии" в охваченных восстанием областях. Более того, холопы, участвовавшие в гражданской войне, не были дворовыми людьми (как считалось долгое время), а военными слугами-холопами, не заинтересованными в социальной революции.

Как утверждает Даннинг, «некоторые советские ученые признали сотрудничество между повстанцами различных социальных групп и отсутствие отчетливой "антифеодальной программы" со стороны Дмитрия в 1604-5 гг., Болотникова и других людей, которые восстали против Шуйского в 1606

г.», объясняя это наивным монархизмом[7, p. 112]. Они считают, что восставшие были готовы свергнуть "феодальный строй" и крепостное право, но просто не могли измыслить какую-либо другую политическую систему, кроме царизма. Крестьяне и холопы надеялись на освобождение, когда поддержали восстание во имя "доброго царя" Дмитрия, «но их наивный монархизм противоречил их осознанным (или неосознанным) социальным целям» [7, p. 112]. Это, по мнению Даннинга, слабый аргумент и нет никаких доказательств, подтверждающих его.

«Даниэль Филд утверждал, что понятие "наивный монархизм" довольно натянуто и слишком искусственно отделяет народное почитание монархов от монархических представлений, присущих образованным элитам, и Роберт Кромм отметил, что многие из сторонников Дмитрия были далеки от наивного монархизма и имели свои политические интересы на повестке дня» [7, p. 112; 6,p. 217-18]. Чтобы охарактеризовать чрезвычайно сильную веру в "доброго царя" со стороны россиян всех сословий, Морин Перри использовала термин "народный монархизм". «Однако в понятии "наивный монархизм" Перри не разделяет представления о монархии элиты и народа, что автоматически делает ее выводы анахронизмом, устаревшими суждениями об уровне развития общественных представлений о монархии в раннее Новое время»[10, p. 2-3; 9, p. 1-2]. Как мы уже говорили ранее, в 1604 г. значительное число россиян всех сословий было недовольно политикой Бориса Годунова и считало его незаконным царем, что сделало их более восприимчивыми к Дмитрию. К примеру, поиск облегчения от налогообложения, тяготы военной службы на юге страны или ненавистных местных чиновников, с позиции Даннинга, были правильно приведены в качестве возможных мотивов для присоединения к восстанию. Однако ни один из этих мотивов не может толком объяснить столь опасный шаг, сде-

ланный народом в пользу "доброго царя". Стремительное формирование широкой коалиции повстанцев, почти религиозный фанатизм приверженцев царевича Дмитрия являются, по мнению Ч.С.Л. Даннинга, важными фактами, которые традиционные интерпретации не смогли объяснить, но они должны быть учтены, если мы хотим понять истинную природу первой гражданской войны в Российском государстве.

Существует большое количество обществоведческой литературы относительно революций и коллективного насилия. Как поясняет Даннинг, «некоторые из моделей и теорий общих, индивидуальных социальных стрессов и недовольств, дисбалансов и кризисов абстрактно кажутся правдоподобными» [7, p. 113]. Но они не особо полезны в решении конкретных исторических проблем, таких как Смута. Большинство из них объясняет политические преступления психологическими мотивами. По словам Даннинга, на большую часть этих работ было оказано сильное влияние традиционных интерпретаций бунтов начала XVII в., рассматривающих восстаниякак бездумные ответы народа на материальные условия и глубокий социальный кризис. К счастью, такие подходы подверглись критике со стороны, по крайней мере, некоторых исследователей. Чарльз Тилли, несмотря на попытку "психологизировать" или "социализировать" восстания начала XVII в., отметил, что в основе народных волнений лежит политический мотив [7, p. 113]. «По мнению ряда исследователей, повстанческие коалиции образовывались теми, кто был отторгнут из числа правящей элиты, и их наличие не значит, что происходили какие-либо изменения в социальной структуре» [7, p. 114].Однако эти коалиции не стоит считать возможной альтернативой существующему режиму и принимать их политические предложения как нечто серьезное, но они давали своим сторонникам надежду, которая была обеспечена появлением на

политической арене "истинного" претендента. С позиции Ч.С.Л. Даннинга, харизматическая власть такого лидера повстанцев могла опираться на его героизм, умение вдохновлять и поддерживать лояльность и преданность своих сторонников, а также на его связь со старой правящей династией.Как показала "казуальная история", все беды людей происходили из-за "злого царя", следовательно, лидер повстанцев имел право бросить вызов этому человеку [7, p. 114]. Он изображал себя в качестве жертвы заговора "злого" правителя, как давно спрятанного, невинного наследника престола, который вернулся, чтобы бросить вызов "царю-узурпатору". «Его легитимность может быть значительно усилена широко распространенным убеждением, что Бог оставил существующую власть и благоприятствовал повстанческому лидеру» [7, p. 114]. По мнению Даннинга, сила любого повстанческого движения была непосредственно связана с чувством религиозной и политической миссий. Какими бы не были долгосрочные причины, в конечном счете, большую роль в возникновении восстаний сыграли религия и политическая культура средневековой России. По словам Даннинга, приведенные выше идеи помогут нам лучше понять народную поддержку Дмитрия. Кампания царевича Дмитрия за трон вызвала мощное восстание, целью которого было свержение "царя-узурпатора" Бориса Годунова и восстановление старой священной правящей династии на престоле в лице младшего сына Ивана Грозного. Таким образом, появление Лжедмитрия сыграло решающую роль в возникновении первой в России гражданской войны. Дмитрию удалось создать широкую и прочную коалицию сторонников благодаря личной харизме, героизму и особенно истории о его чудесном спасении от покушения "узурпатора" Бориса Годунова в 1591 г. Теперь внимательно рассмотрим те силы, которые помогли сформировать политико-религиозное сознание привержен-

цев царевича Дмитрия и спровоцировали гражданскую войну.

Как мы уже говорили ранее, некоторые историки считают, что на сегодняшний день существует много сомнительных и тенденциозных источников, связанных с пониманием русского народного сознания в XVI-XVII вв., тем не менее, по словамДаннинга, традиционные взгляды на мотивацию российских повстанцев призывают к тому, чтобы мы, по крайней мере, постарались лучше понять этих разгневанных людей. Для этого, с позиции Бориса Миронова, необходимо положить конец изоляции изучения восстаний и повстанческого сознания от изучения обычной, повседневной русской культуры, религии, морали и сознания[8, p. 429, 434-35]. Что же часто упускают при оценке народной поддержки Дмитрия? То, что, в значительной степени, повстанцы действовали в рамках религиозной политической культуры, сформированной Русской Православной церковью. Как поясняет Даннинг, «народное православное христианское сознание, сложившееся в России в XVI в., тесно связано с появлением единого российского государства» [7, p. 115]. В науке есть предположение, что русская народная религия отличается от элитного религиозного сознания. С позиции Даннинга, это мнение – продукт ряда ошибочных интерпретаций, пытающихся связать народную религиозность с такими понятиями, как "наивный монархизм", "социальная утопия", "самозванство" и даже "миллеаризм"[7, p. 115]. К счастью, в последнее времяданная точка зрения стала уступать дорогу более реалистичной, которая видит меньше различий и больше общего между элитным политико-религиозным сознанием и народным.

В XVI- начале XVII вв. не было четкого понятия светского государства. Большая часть россиян всех классов считала царя священным правителем, власть которому была дана Богом. Следовательно, религиозный аспект русской монархии играет большую роль в ле-

гитимации нового государства и его правящей династии. В складывающейся политической культуре правитель являлся Божьим наместником среди людей, обязанных, в свою очередь, служить и подчиняться своему царю. В политике нет места для народных масс: «они должны быть "немы как рыба"»[7, p. 115]. Исчезновение старой правящей династии в 1598 г.шокировало многих россиян, которые не были уверены в законности избранного ими нового царя. Следовательно, перед русскими людьми встал вопрос: как отличить законного царя от ложного. Отсутствие бесспорно истинного правителя позволило народному недовольству выйти из-под контроля.

Как мы уже говорили ранее, в политической культуре средневековой России с ее центральными фигурами – Богом и царем, богобоязненные подданные могли на законном основании выступить против «злого» правителя, то есть нарушившим свои обязательства перед Богом и народом. Большинство россиян считало Бориса Годунова "злым", "ложным" царем и инструментом сатаны. Как только представилась возможность, многие набожные православные русские отвергли Бориса и обратились к Дмитрию в надежде на то, что он был истинным, богоизбранным правителем. Выдавая себя за сына Ивана Грозного, Лжедмитрий спровоцировал бунт во имя "истинного царя". В таком восстании повстанцы считали себя крестоносцами в священной войне, направленной на восстановление божественного порядка. По словамДаннинга, «Дмитрий был расценен многими из его сторонников как священная фигура и как защитник истинной веры» [7, p. 116]. Но были и другие факторы, способствующие увеличению народной поддержки Лжедмитрия: репутация Ивана Грозного и замечательная история о чудесном спасении Дмитрия, претендовавшего на трон своего отца.

Характерной особенностью народного монархизма XVI-

началаXVII вв. является идеализация некоторых правителей как "хороших царей"[7, p. 117]. Пословам Даннинга, в русском фольклоре Иван IV рассматривался в качестве первого "хорошего царя". Эта идеализация обусловлена многими факторами: негативным отношением к событиям Смуты; ностальгией по старой династии; памятью о славном правлении законных, богоизбранныхцарей. Иван Грозный был поддержан большинством своих подданных, которые считали его благочестивым правителем[7, p. 117; 4, с.80]. Суровое общественное наказание бояр и чиновников, признанных виновными в государственной измене и коррупции, повысило репутацию Ивана IV, как защитника простых людей от членов элиты. Склонность Ивана Грозного поощрять доносы холопов на своих господ увеличивала популярность монарха в народе, создавая образ алчных и продажных бояр – потенциальных врагов царской власти. Это помогло Дмитрию в борьбе против "узурпатора" и "боярского царя" Бориса Годунова. Как утверждает Даннинг, царевич «был в состоянии стимулировать народную монархическую идеализацию своего отца у многих россиян, в том числе солдат, горожан и казаков» [7, p. 117]. Необходимо отметить, что добрая память о Иване Грозном была особенно сильна в южных провинциях, которые восстали во имя Дмитрия в 1604-5 гг. и поднялись снова во имя его в 1606 г. В период Смуты, когда люди жили в ожидании Божьего гнева, история Лжедмитрия о роли божественного провидения в его спасении от покушения Бориса Годунова в 1591 г. была очень эффективна при создании народной поддержки. Дмитрий говорил русскому народу, что Бог спас его, чтобы свергнуть злого узурпатора Годунова и помочь людям вернуть божью благодать.

Некоторым россиянам рассказ Дмитрия, вероятно, напоминал древнюю историю о первых невинных политических мучениках ранней Руси, святых Бориса и Глеба, убитых их сводным братом Свято-

полком Окаянным, который жаждал занять киевский престол[7, p. 118]. Многим другим, по словам Даннинга, "возрождение" Дмитрия, убитого в 1591 году, больше всего напоминало воскресение Иисуса Христа. Морин Перри фактически показала, что сакрализация монархии в XVI в. способствовала принятию народом Лжедмитрия как "истинного царевича" [7, p. 66, 69, 245]. В итоге, Дмитрия приветствовали в Москве радостные толпы людей, действительно веривших в чудесное спасение наследственного царя.

Как уже говорилось ранее, многие ученые считали Дмитрия мошенником и никак не могли допустить мысли о том, что он был способен создать мощную народную поддержку. Вместо этого они искали другие объяснения квазирелигиозного фанатизма сторонников Лжедмитрия.

По мнению Даннинга, нужно приложить много научных усилий, чтобы объяснить огромную популярность Дмитрия, в силу чего остается актуальным понятие "самозванство" или "возвращение утраченного" как фактор его успеха[7, p. 119]. Изучение самозванства в России всегда было сложным делом. Многие ученые не признавали замечательный и беспрецедентный рассказ царевича Дмитрия о его чудесном спасении и возвращении для борьбы за престол как правду. Но именно это открыло дорогу самозванству как явлению. После убийства царя Дмитрия в 1606 году его сподвижники успешно выдвинули историю о том, что он в очередной раз избежал смерти и скоро вернется, чтобы наказать изменников. Они быстро создали огромную армию из представителей всех социальных классов, которые смогли осадить Москву и почти свергли Василия Шуйского, терпеливо ожидая возвращения своего любимого царя Дмитрия. По мнению Даннинга, «одним из следствий драматических историй о первом и втором "воскресениях" Дмитрия стало появление дюжины самозванцев, претендующих на имя ца-

ревича или других членов старой священной правящей династии» [7, p. 119]. Некоторые из этих самозванцев были способны создать широкую коалицию сторонников и значительно продлить гражданскую войну.

После самозванство стало обычным политическим средством, используемым повстанцами во времена Смуты.Некоторые ученые пришли к выводу, что "самозванство" - традиционное и почти единственное средство, используемое русскими повстанцами, чтобы заручиться народной поддержкой[7, p. 119]. Те же ученые рассматривали Дмитрия как сознательного обманщика, который действительно бросил вызов крепостному праву. В итоге это привело к неправильному толкованию образа Дмитрия, его кампании за трон и повстанческого сознания во времена Смуты. Многие изображали российских претендентов как лидеров социальной революции и результат социально-утопических стремлений народа к освобождению. Другие искали объяснение в концепции наивного монархизма. Однако, как считает Даннинг, ни одна из этих интерпретаций не является правильной в отношении Дмитрия.

В последнее время некоторые ученые рассматривают сакрализацию российской монархии в качестве главной причины восприимчивости русского народа к такому явлению, как самозванство. После пресечения в 1598 г. старой священной династии, вновь избранного царя многие считали "ложным". Согласно этой интерпретации, главным достоинством самозванства была легитимация оппозиции непопулярных правителей[7, p. 120]. Как упоминалось ранее, в политической культуре средневековой России бунт во имя истинного царя был единственной формой восстания. По мнениюМорин Перри и Скрынникова, успех Дмитрия продемонстрировал эффективность такого политического средства, как самозванство [9, p. 2, 5, 245, 247; 11,p. 74-75].Однако, с позиции Даннинга, их интерпретации – это

еще одна попытка объяснить мощную народную поддержкуДмитрия посредством ошибочных обобщений, а не путем тщательного изучения. До сих пор ученые, считающие самозванство единственным способом заручиться поддержкой народа, не дали реального объяснения того, почему одним претендентам удалось создать широкую коалицию сторонников, а другим нет.С позиции Даннинга, Лжедмитрий был замечательной личностью, и он, вероятно, верил в то, что является сыном Ивана Грозного и с Божьей помощью сможет завоевать российский трон. «Дмитрий оказался умным, харизматичным, благочестивым, храбрым воином, который…поразил русский народ своей щедростью…и искренней заботой о их благополучии» [7, p. 121]. Его чувство личной миссии воодушевило многих людей, и «они боролись за Дмитрия с религиозным рвением» [7, p. 121].

Таким образом, по мнению-Даннинга, Лжедмитрий послужил решающей причиной для начала первой в истории России гражданской войны. Замечательная истории о чудесном спасении, личное поведение и характер оказали глубокое воздействие на современников Дмитрия. Христоподобное воскресение царевича для многих людей стало доказательством того, что действительно происходят чудеса, и что Бог на его стороне. Эта вера не только стимулировала фанатичную поддержку Лжедмитрия в его борьбе против узурпатора Бориса Годунова, но также привела к быстрому и широко распространенному мнению о втором "воскресении" царя после его убийства в 1606 г., которое мгновенно возродило гражданскую войну. Восставшие были уверены, что они еще раз сражались против сатанинских силза "истинного правителя"[7, p. 121].Не последнюю роль в возникновении восстаний, с позицииДаннинга, сыграл народный монархизм, и Дмитрий, как мы уже видели, - важный вклад в рост этого явления. Следовательно, возникает любопытный парадокс: Лже-

дмитрий укрепил народный монархизм в России и в то же время «помог создать дестабилизирующие традиции самозванства» [7, p. 122].

Список литературы

1.Даннинг Ч. Была ли в России в начале XVII в. Крестьянская война // Вопросы истории. - 1994. - №9. – С.21-34.

2.Ляпин Д.А. Ритуалы власти: очерки социально-политической истории России раннего нового времени. - М.: «Верстовой», - 2014.

3.Ляпин Д.А., Быкова А.С. Влияние Смутного времени начала XVII в. на Русскую Православную церковь и духовную жизнь общества в работах американского ученого Ч.С.Л. Даннинга // Молодежь в науке: Новые аргументы: Сборник научных работ IV-го Международного молодежного конкурса (Россия, г. Липецк, 31 мая 2016 г.). - Часть II.Липецк, - 2016. С. 28-33.

4.Скрынников Р.Г. Россия в начале 17 века. Смута. – М.: Мысль, 1988. – 284с.

5.Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII - XIX вв. - М.: Наука, 1967. – 100 с.

6.Crummey R.O. The formation of Muscovy, 1304-1613. - London; New York : Longman, 1987. – 275 p.

7.Dunning Ch.S.L. Russia’s First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. - Pennsylvania, 2001. – 657 p.

8.Mironov B.N. Poverty of Thought or Necessary Caution? // Russian History. – 1990. -№. 4.- P.

9.Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. - CambridgeAcadem, 2002. - 288p.

10.Perrie M.The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. - Cambridge Academ, 2002. - 280p.

11.Skrynnikov R.G. The Civil War in Russia at the Beginning of the Seventeenth Century (1603 - 1607): Its Character and Motive Forces. New Perspectives on Muscovite History. N.Y, 1993. - 605 p.

Reference

1.Danning Ch. By'la li v Rossii v nachale XVII v. Krest'yanskaya vojna // Voprosy' istorii. - 1994. - №9. – S.21-34.

2.Lyapin D.A. Ritualy' vlasti: ocherki social'no-politicheskoj istorii Rossii rannego novogo vremeni. - M.: «Verstovoj», - 2014.

3.Lyapin D.A., By'kova A.S. Vliyanie Smutnogo vremeni nachala XVII v. na Russkuyu Pravoslavnuyu cerkov' i duxovnuyu zhizn' obshhestva v rabotax amerikanskogo uchenogo Ch.S.L. Danninga // Molodezh' v nauke: Novy'e argumenty': Sbornik nauchny'x rabot IV-go Mezhdunarodnogo molodezhnogo konkursa (Rossiya, g. Lipeck, 31 maya 2016 g.). - Chast' II.Lipeck, - 2016. S. 28-33.

4.Skry'nnikov R.G. Rossiya v nachale 17 veka. Smuta. – M.: My'sl', 1988. – 284s.

5.Chistov K.V. Russkie narodny'e social'no-utopicheskie legendy' XVII - XIX vv. - M.: Nauka, 1967. – 100 s.